

Обед, достойный трёх звёзд Мишлен, подошёл к концу. Животик Цзян Лоло приятно округлился, и теперь он, устроившись поудобнее, с серьёзным видом листал брошюру винодельни.

Сидевший рядом с ним мужчина повернулся вполборота. Солнечные лучи, падая на его фигуру, окутывали её золотистым сиянием, создавая образ истинного аристократа. Его запястье плавно двинулось, и ложечка с ванильным мороженым оказалась прямо у губ маленького омеги.

Цзян Лоло послушно открыл рот и с тихим «ам» проглотил угощение, указывая пальчиком на фотографию винного погреба в брошюре.

— Малыш хочет сюда.

На другой странице красовались винные стеллажи, уходящие почти под самый потолок и уставленные бутылками разных лет. Юноша коснулся изображения мягким пальчиком.

— И ещё я хочу купить несколько бутылочек вина.

— Нашему сокровищу нравится вино? — спросил Хо Цзэдун.

Цзян Лоло покачал головой, а затем медленно кивнул.

— Раньше не нравилось, а теперь нравится.

Раз уж феромоны Хо Цзэдуна пахли крепким алкоголем, то и он, полюбивший хозяина, теперь полюбит и всё спиртное в мире.

Хо Цзэдун не стал расспрашивать дальше и, взглянув на часы, сказал:

— Вечерний приём как раз и будет посвящён дегустации вин. А после банкета состоится небольшой аукцион. Какие вина понравятся, те и купим.

Маленький омега с улыбкой послушно кивнул.

— Хорошо. А что будем делать днём? — он поднял на Хо Цзэдуна свои влажные, блестящие глаза и мягко протянул: — Муж, чем мы займёмся днём?

— С дневными планами спешить не будем.

Подав Цзян Лоло последнюю ложку ванильного мороженого, Хо Цзэдун отложил десерт.

— Сначала немного отдохнём. А когда отдохнём, тогда и решим, что делать дальше.

Маленький омега радостно согласился и послушно вложил свою ладонь в руку Хо Цзэдуна, не забыв прихватить с собой брошюру с развлечениями.

— Я ещё хочу покататься на лошади, — бормотал он себе под нос. — На картинке была такая красивая белая лошадка. Но я никогда не катался, вдруг я с неё упаду? Если упаду, муж меня поймает?..

Его голос становился всё тише, пока их силуэты не скрылись вдаль.

Четыре часа спустя

Солнце уже клонилось к закату. Вечерние облака, словно шёлковые ленты, раскинулись по небу, и вся винодельня погрузилась в мягкую атмосферу сумерек.

Колышущаяся занавеска приоткрыла уголок окна цвета шампанского. В стекле отражались две фигуры, сидящие на кровати: маленький омега, обиженно надувший губы и роняющий слёзы, и его муж, который нежно вытирал их.

Длинные пальцы мужчины стёрли слезинку с его щеки, но юноша отвернулся, уклоняясь от прикосновения. Чёрные ресницы были усыпаны сверкающими каплями, влажные глаза смотрели с укором, щёки надулись, а голос, срывающийся от слёз, звучал мягко и капризно:

— Ненавижу! Хо Цзэдун, ты не сдержал слово!

Кадык мужчины дёрнулся.

— Малыш, твой муж правда изо всех сил старался сдержаться. Иначе ты бы даже на ужин попасть не смог.

Услышав это, маленький омега сердито взглянул на него, но его подёрнутые влажной дымкой глаза не таили в себе никакой угрозы.

— Я виноват, это моя вина...

Высокий альфа раскрыл объятия и прижал его к себе, целуя покрасневший от слёз кончик носа

и тихо уговаривая:

— Не плачь, малыш... Ты ведь хотел покататься на лошади? Пойдём прямо сейчас, хорошо?

Маленький омега уткнулся лбом ему в грудь и глухо пробормотал:

— Не хочу... — словно обиженный котёнок.

Большая рука легла ему на спину, и Хо Цзэдун принялся успоаивающе поглаживать его.

— Почему не хочешь?

— Попа болит... — обиженно прозвучало в ответ. — Как я с больной попой буду на лошади кататься...

Хо Цзэдун едва сдержал улыбку, боясь, что если рассмеётся, его сокровище расплечется ещё сильнее. Пришлось сдерживаться и искать компромисс.

— Тогда муж купит нашему малышу маленькую лошадку, и мы будем кататься на ней дома, хорошо?

Маленький омега капризно ответил:

— Нет, не хочу, не буду кататься.

Он попытался вырваться из объятий альфы, но руки мужчины, словно стальные обручи, крепко держали его.

— Хорошо, хорошо, малыш сказал не кататься — значит, не будем. Наш малыш больше никогда не будет кататься на лошадях...

При этих словах человек в его объятиях вдруг перестал вырываться. Его обиженное личико покраснело, и он тихо, почти безвольно пробормотал:

— Я только сказал, что сегодня не буду кататься... Я же не говорил, что не буду завтра...

В воздухе раздался низкий мужской смех, и его лба коснулось лёгкое прикосновение.

— Маленький ты мой притворщик.

Вечерний приём

Цзян Лоло снова встретил Линь Чжи.

— Ты же собирался покататься на лошадях, когда приехал? — Линь Чжи взял его за руку. — Я днём был на конюшне с друзьями, почему я тебя не видел?

— Я... я проспал... — покраснев, ответил юноша.

Взгляд собеседника скользнул по его слегка припухшим губам, и он всё понял.

— Судя по такому сильному запаху феромонов, боюсь, проспал не только ты один, — поддразнил он.

Лицо Лоло вспыхнуло ещё ярче, и он обернулся, чтобы посмотреть на Хо Цзэдуна, который разговаривал с кем-то в стороне.

Линь Чжи потянул его за запястье вглубь зала.

— Да ладно тебе, твой Хо-е никуда не денется. Пойдём, я как раз хочу познакомить тебя с несколькими друзьями.

Когда Линь Чжи подвёл его к дивану, сидевшая там группа омег подняла головы и смерила его разномастными взглядами. Все они были либо супругами влиятельных людей, либо изнеженными детьми из богатых семей. Их роскошные наряды и драгоценности ослепительно сияли в свете хрустальных люстр.

Их взгляды были столь же яркими.

— Это Цзян Лоло, мой новый друг и молодой человек господина Хо.

Стоило прозвучать имени «господина Хо», как оценивающие взгляды стали ещё более пристальными, хотя и более сдержанными.

— Так вот кто заставил господина Хо спрятать его в золотой клетке. Какая красота, я никогда не видел такого прекрасного омеги.

Говорившему было на вид лет двадцать с небольшим. Он держал в руках маленький европейский веер, инкрустированный драгоценными камнями, и подошёл ближе.

— Молодой господин Цзян, мой муж — господин Ван. Он давно восхищается господином Хо. Не могли бы вы помочь нам наладить контакт?

Едва он закончил, как тут же подошёл другой омега.

— Молодой господин Цзян, вы любите дегустировать вино? Мой муж как раз недавно приобрёл бутылку «Романе-Конти» 2004 года. Может, прислать её в вашу резиденцию?

— Что же вы стоите? Пусть молодой господин Цзян присядет!

Голоса раздавались со всех сторон, и Цзян Лоло совершенно не знал, что отвечать. Он, конечно, понимал, что все эти люди хотели познакомиться не с ним самим. Они просто пытались через него подольститься к Хо Цзэдуну. Непривычный к такому вниманию, юноша чувствовал себя растерянно. Он лишь смог улыбнуться, пробормотать «спасибо» и сесть.

— Так это же тот самый браслет, который был главным лотом на аукционе несколько дней назад!

Один из омег, сидевший рядом с Лоло, оказался очень наблюдательным. Его восклицание привлекло всеобщее внимание.

Цзян Лоло тоже посмотрел на своё запястье.

— Его ведь носила та знаменитая европейская королева восемнадцатого века! Посмотрите на эти великолепные изумруды... — тот же омега восхищённо цокнул языком. — Я помню, госпоже Шан он тогда очень понравился, но, к сожалению, его в итоге продали за двадцать миллионов. Оказывается, это был Хо-е. Неудивительно, что ставка была такой щедрой...

Цзян Лоло об этом даже не догадывался. Он и понятия не имел, что вещи, которыми он пользуется, стоят так дорого. Тогда Хо Цзэдун просто держал его в объятиях, небрежно достал браслет из какой-то коробки, надел ему на запястье и спросил, красиво ли. Он говорил так просто, будто увидел его в случайной лавке и мимоходом купил.

Сидевшие вокруг затаили разные мысли. Они знали, что этот маленький омега принадлежит Хо Цзэдуну, но не предполагали, что тот его так балует. Жаль только, что он омега с повреждённой железой.

Все поспешили скрыть свои истинные чувства и уже собирались сказать пару лестных слов, как в воздухе раздался отчётливый смешок.

Цзян Лоло поднял голову и встретился взглядом с молодым человеком лет двадцати, который смотрел на него с неприязнью:

— Что строишь из себя недотрогу? Забыл, как наверх карабкался? Некоторые только и умеют, что отбирать чужое.

Сказав это, он холодно усмехнулся и, развернувшись, ушёл.

— Это...

— Что это с госпожой Шан?

В воздухе повисла неловкая тишина.

Цзян Лоло уже собирался встать и потребовать объяснений, но Линь Чжи удержал его за руку.

— Это супруг господина Шан Лу, того самого, кто не смог купить этот браслет.

Омега, сидевший рядом, протянул юноше стакан сока.

— Не обращай на него внимания, она всегда такая. Сама несчастлива, вот и язвит целыми днями. С таким характером неудивительно, что Шан Лу от неё воротит нос.

Возможно, чтобы разрядить обстановку, а может, из-за врождённой склонности к сплетням, сидевшие вокруг омеги сменили тему и принялись обсуждать эту самую госпожу Шан.

Линь Чжи взял у официанта небольшой десерт для Цзян Лоло и зашептал ему на ухо:

— Эта госпожа Шан тоже из знатной семьи. Они с Шан Лу полюбили друг друга ещё в юности и поженились. Вот только за несколько лет брака она так и не смогла забеременеть. А Шан Лу однажды по пьяни переспал с кем-то, и, как на грех, тот омега забеременел.

Цзян Лоло, слушавший сплетни, застыл.

— Госпожа Шан тогда устроила Шан Лу грандиозный скандал. Сказала, или она, или тот омега. Поставила ультиматум. Шан Лу всё ещё любил её после стольких лет, но тот омега носил его ребёнка...

Линь Чжи понизил голос:

— К тому же, госпожа Шан была бесплодна, так что старики из семьи Шан никогда бы на это не согласились. В итоге ничего не оставалось, как принять того омегу в семью. Говорят, с тех пор как тот омега вошёл в их дом, жизнь госпожи Шан стала ещё хуже...

Слушая это, Цзян Лоло всё крепче сжимал стеклянный стакан. Его тонкие белые пальцы побелели от напряжения.

Линь Чжии со вздохом подвёл итог:

— В этом мире все чувства таковы. Вначале страстная любовь, а потом из-за разных причин всё рушится. Никто не знает, как долго продлится эта симпатия. Эти альфы... говорят, им всё равно, есть дети или нет, но на самом деле каждый из них надеется, что его омега поскорее родит наследника. В конце концов, в этом и заключается главная ценность омеги, не так ли? Поэтому, Лоло, тебе нужно, пока ты молод, поскорее родить ребёнка господину Хо, иначе...

Линь Чжии не договорил.

С громким звоном стеклянный стакан выпал из рук Цзян Лоло на ковёр, и сок расплескался по полу.

Юноша, очнувшись, поднял полные слёз глаза. Он поспешно встал, тихо пробормотал «простите» и выбежал прочь...

<http://bllate.org/book/15808/1441615>